

Русская и шотландская волшебная сказка: опыт сравнительного анализа

Карпухина Тамара Петровна

Тихоокеанский государственный университет

Доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации;

Аннотация

Объект исследования статьи составляют русская сказка «Царевна-лягушка» и шотландская сказка «Жена-тюлениха». В работе проводится сравнительный анализ данных волшебных сказок на предмет выявления сходных и различных черт. Отмечается, что сходство сказок обусловлено их общей мифологической основой, восходящей к архаическому обряду инициации. Различие рассмотренных сказок проявляется в их национально-культурном своеобразии.

Ключевые слова: волшебная сказка, сказочный сюжет, обряд инициации, мир природы, национально-культурное своеобразие

The russian and the scottish fairy-tales: a comparative aspect

Karpukhina Tamara Petrovna

Pacific State University

Doctor of Philological Science, Professor, English Philology Department

Abstract

The object of investigation is the Russian fairy-tale “The Frog-Princess” and the Scottish fairy-tale “The Selkie-Wife”. The aim of the comparative analysis conducted in the research is to reveal the common and the different features of the fairy-tales. It is underlined that the similarity of the Russian and the Scottish fairy-tales is embedded in the common mythological background referring to the archaic ritual of initiation, whereas the difference is preconditioned by the national and cultural peculiarities of the folk tales considered.

Key words: a fairy-tale, the plot of the fairy-tale, the archaic ritual of initiation, the world of nature, national and cultural peculiarities

Настоящая статья посвящена рассмотрению волшебных сказок России и Великобритании. Объектом изучения являются две сказки: «Царевна-лягушка» [1, с. 18-24] и «Selkie-Wife» («Жена-тюлениха») [2; 3]. Выбор сказок обусловлен их общим сюжетом: герой берет в жены существо, изначально принадлежавшее к животному миру. В статье ставится цель

выявить сходные и различные черты указанных сказок и попытаться найти обоснование их общности и расхождений.

Сказка представляет собой один из жанров фольклора – устного народного коллективного творчества, к которому относятся также былины, предания и легенды, сказы, песни, частушки и проч. [4, с. 272-273]. Сказка определяется как «повествовательное, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [5, с. 662].

«К сказкам относят и забавные рассказы о проделках животных, и собственно сказки о чудесных приключениях, и полные юмора анекдоты – произведения, разные по форме и содержанию, объему и поэтике. Обычно их делят на три основные группы – сказки о животных, волшебные и бытовые. Их объединяет один признак: речь здесь идет о выдуманном и невозможном»; «сказка ни в коей мере не претендует на достоверность» [6, с. 93].

Особый интерес исследователей привлекают волшебные, или чудесные сказки, имеющие ритуально-мифологический генезис, вследствие чего их значение «невозможно понять вне семантики мифа» [6, с. 96-97].

Главной чертой сказки как фольклорного произведения является ее устный характер, предполагающий наличие разных вариантов исполнения, а, значит, отсутствие единого, канонически-неизменного текста. И даже письменная фиксация устного народного творчества не меняет общей картины. Фольклорный текст представляет собой «совокупность вариантов словесного воплощения того или иного фольклорного произведения» [7].

Это в полной мере относится и к сказке, которая существует в целом ряде вариантов. Не являются исключением и сказки, рассматриваемые в данной статье. Мы будем опираться на варианты этих сказок, получившие широкое распространение и опубликованные в следующих изданиях [1], [2; 3], привлекая, в случае необходимости, и другие, не менее авторитетные источники [8], [9].

В обеих сказках сюжет строится вокруг центральной темы – обретения главным героем жены. Различие, которое можно считать не столь значительным, чтобы изменить сюжет, заключается в том, что в русской сказке Иван-царевич проявляет активность в поиске суженой, а в шотландской сказке рыбак Гудмэн случайно увидел свою избранницу, когда отправился на рыбную ловлю.

Но случай, который играет в волшебной сказке особую роль, имеет отношение и к выбору Ивана-царевича. Он лишь проявляется иначе: его стрела упала именно в болото, а не на боярский или купеческий двор, как у его братьев. Недаром на вопрос сыновей, кого им брать в жены, царь-отец отвечает: «Где стрела упадет, там и сватайтесь».

В обеих сказках, русской и шотландской, жены берутся не из своих мест, а относятся к иной, чужой местности: «Герой ищет невесту вдалеке, а не у себя», иначе говоря, брак должен носить экзогамный характер [10 с. 9; 85]. Это обязательный для волшебных сказок признак, рудимент

архаического сознания, присущего родоплеменному, первобытному обществу, основным регулятором которого была мифология, сложившаяся на базе древнего, языческого, интуитивно-образного мировосприятия.

Архаические родоплеменные мифы – первоисток человеческой культуры, из которого возникли все ее последующие формы; «Центральный объект архаической мифологии – это преобразованные фантазией явления природы: духи лесов, полей, вод, нередко опасные и устрашающие, а также первопрядки и покровители племени, становившиеся предметом почитания (тотемы)» [11, с. 153; 154].

Миф – это «форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающимися самостоятельными явлениями реальности. <...>. Для мифа не существует грани естественного и сверхъестественного, объективного и субъективного, причинно-следственные связи подменяются связью по аналогии и причудливыми ассоциациями» [12, с. 505].

Важную роль в родоплеменном обществе осуществляли ритуалы, которые, в соединении с мифологией, выступали «как сила организующая, цементирующая поведение и сознание отдельных людей и их сообществ» [11, с. 153].

Миф требует от архаического человека как члена родоплеменной общности безусловной веры в мифологическое повествование. По единодушному мнению исследователей, ведущей темой мифологического повествования, наряду с мотивом о сотворении мира, является тема поиска своей «суженой» в потустороннем мире [13, с. 206-207].

Со временем миф начинает осознаваться как вымысел, приобретая форму сказки. Герои мифов, потеряв свой сакральный характер, становятся персонажами сказки, наследуя некоторые черты архаико-мифологических божеств-тотемов.

Сказанное относится и к рассматриваемым сказкам. Выше уже говорилось о важности для архаического сознания такого ритуала, как поиск экзогамной жены, и это нашло свое отражение в обеих сказках, русской и шотландской.

Еще один существенный рудимент родоплеменной мифологии, сохранившийся в данных сказках и также обусловивший их сходство, заключается в том, что суженые героев носят звериное обличье. В русской сказке Иван-царевич женится на болотной лягушке, а в шотландской сказке Гудмэн берет в жены морскую русалку Шелки.

Здесь требуется некоторое пояснение. По шотландским поверьям, Шелки – это люди-тюлени, которые иногда, заплывая на берег, сбрасывают звериную кожу и, уже в человеческом облике, танцуют на морском берегу, вдали от людских глаз. Образ морских русалок существует и в ирландских сказках, где людей-тюленей называют Роанами.

В сюжетах многих сказок о людях-тюленях говорится о браках между людьми и морскими существами, но эти союзы никогда не бывают добровольными. Возможными они становятся лишь в том случае, если у

русалок крадется их тюленья шкурка, и они не могут уплыть в свой морской мир. Но рано или поздно, шкурка находится, и русалка покидает своего земного мужа и родившихся детей [9].

Итак, в обеих сказках герой берет в жены существо из другого мира. По сути дела, речь идет о браке с тотемным животным-первопредком, который, согласно мифологическим воззрениям, является защитником и покровителем рода. Напомним, что в волшебной сказке герой всегда молод. И приобрести знания он может только от своих предков-тотемов, которые обитают в мире мертвых. Русская и шотландская сказки сохраняют тотемистическую составляющую. И лягушка, и тюленьиха предстают в роли чудесной жены-помощницы, пришедшей из иного, потустороннего мира.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в обеих сказках чудесные жены связаны с водной стихией, с тем пространством, в котором, согласно архаическим представлениям, зародилась жизнь. Любопытна двойственная символика воды, которая является своеобразным посредником между жизнью и смертью. Погружение в воду символизирует как гибель, так и очищение. Последнее, в частности, относится и к христианскому обряду крещения [14].

Вместе с тем, интересно, как отличаются друг от друга эти водные пространства, в которых обитают избранницы героев. Царевна-лягушка – принадлежит сказочному болотному царству, а Шелки – относится к морскому миру.

С одной стороны, в этом различии можно увидеть проявление национально-культурной специфики: трудно представить бескрайние русские просторы без болот, озер и рек, а остров Британию без моря.

С другой стороны, как британское архаическое сознание представляет себе море населенным морскими чудовищами, так и русское древнее сознание наделило болото разными чудищами. И море, и болото выполняют в обеих сказках сходную функцию – представлять иной, необычный, сверхъестественный, чуждый человеку мир.

Итак, чудесная жена, пришедшая – не обязательно по своей воле, – из другого мира, верно служит своему земному, смертному мужу.

Различие можно увидеть в том, каков характер этой службы. В русской сказке лягушка помогает царевичу пройти три испытания, непосильные для обычной, смертной жены, не обладающей теми знаниями, которыми свободно владеет чудесная жена: испечь царский хлеб, соткать чудесный ковер и станцевать завораживающий, заколдовывающий танец. В шотландской сказке тюленьиха создает домашний уют, заботится о муже, рождает детей, проявляет по отношению к ним необычайную заботу. Кстати говоря, в некоторых сказках ей приходится защищать малых детей героя от ведьмы-мачехи и любовно расчесывать их шелковистые шкурки, что оказывается не таким простым занятием [9].

Для обеих сказок характерно, что жены героев предстают в человеческом облике как прекрасные девы, однако, эта красота описывается традиционно-схематизированными словесными формулами, присущими

сказкам. Описания лишены индивидуальных черт, которые позволили бы явственнее, конкретнее представить образы жен-красавиц. Это свойство всех сказок, в которых персонаж «не наделен детализированной индивидуальностью и потому готов к разного рода метаморфозам, но при этом он всегда однозначен, тождествен самому себе» [15, с. 30]. В волшебной сказке образ персонажа «строится на мотивах превращения и тождества» [16, с. 262-263].

Так, лягушка, сбросив кожу, «обернулась красной девицей Василисой Премудрой – такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать!» [1, с. 19].

Шелки, скинув тюленью шкуру, оказываются такими красавицами, что у Гудмэна захватывает дух (*made him catch his breath*), но их внешность передается только постоянными эпитетами *lovely, smooth, graceful* [2], которые не столько изобразительны, сколько выразительны. Конкретного образа они не создают.

Обе сказки объединяет еще одно обстоятельство: герой, в отсутствие жены, без всякого на то позволения, по своему произволу поступает со звериной кожей так: Иван-царевич сжигает лягушечью кожу, Гудмэн далеко запрятывает тюленью шкуру. По сути, герои нарушают сказочное табу, и за это они оба наказаны: Царевна-лягушка вынуждена вернуться в царство Кощея, а Жена-тюлениха, найдя шкурку, оставляет земного мужа и уплывает в море.

Вместе с тем, в таком разрешении конфликта видится и значительное различие между анализируемыми сказками. Иван-царевич отправляется на поиски Царевны-лягушки, проходит все испытания, побеждает Кощея Бессмертного и возвращает себе жену. В описании приключений героя явно просматривается архаический ритуал инициации, который должны были пройти юноши, чтобы перейти в новое качество – стать взрослым мужчиной и получить право на брак.

В шотландской сказке герой смиряется с потерей жены, которая не смогла преодолеть тоску по своему морскому народу и возвратилась в свою стихию. Но доброту мужа и детей она помнила, и часто ветер доносил ее пение, обращенное к смертному мужу. И все же гораздо более важно то обстоятельство, что русалка покинула земной мир, чтобы никогда больше в него не возвращаться.

Выше было отмечено, что в обеих сказках жены принадлежат другому миру, отличному от людей. Заметим, что для волшебной сказки двоимирие – это еще одна константа, присутствующая в качестве рудимента архаико-мифологического мировоззрения. Один мир – это свой, посясторонний мир живых, обычных людей. Другой мир – это чужой, потусторонний мир мертвых.

Граница между мирами не просто существует, она преодолима, но достигается это путем сложнейших испытаний, которые выпадают на долю главного героя. Это более явственно проступает в русской волшебной сказке, где герой, пройдя все испытания, преодолевает эту границу. Помогают ему в

этом верные помощники-звери, которым ранее он сохранил жизнь и свободу. Сказанное означает, что в русской сказке сохраняется анимистическое мировоззрение, связывающее человека с природой тесными узами. Русская сказка опирается на природные силы, видя в них друга и помощника. В шотландской сказке зверей-помощников нет, что указывает на отчуждение человека от сил природы, в которых люди уже не видят своей опоры.

Итак, подводя итоги сравнительному анализу русской и шотландской волшебной сказок, объединенных общим сюжетом, необходимо отметить следующее. Помимо сюжетного сходства, данные сказки демонстрируют и другие сходные черты, которые коренятся в исторических истоках волшебной сказки, развившейся из архаического мифологического повествования.

Обе сказки, и «Царевна-лягушка», и «Жена-тюлениха» базируются на древнем родоплеменном ритуале поиска жены и обряда инициации, предполагающего прохождение ряда испытаний для перехода юноши в статус взрослого мужчины, приобретшего право вступить в брак.

В русской и шотландской сказке воссоздан обряд брака с тотемным животным, защитником и покровителем родоплеменного сообщества.

В обеих сказках герой нарушает определенный запрет-табу, за которым следует наказание – потеря вновь приобретенной суженой.

Заметно расходятся сказки в своем финале: в отличие от героя русской сказки, преодолевшего испытания и заполучившего свою суженую, герой шотландской сказки смиряется с потерей жены тотемного происхождения.

Иной предстает и мир природы в указанных сказках: если в русской сказке значительную роль играют животные-помощники героя, участвовавшие вместе с ним в прохождении испытаний, то в шотландской сказке природные силы не выступают в качестве активной силы, действующей на стороне человека. Это означает, что в русской сказке языческая, архаико-мифологическая составляющая сохраняется в значительно большей степени, чем в сказке шотландской.

Отмеченные различия можно объяснить национально-культурной спецификой стран, России и Великобритании. Забегая вперед, предвосхищая дальнейшие работы, отметим, что Британия пережила период язычества и перешла к единобожию (христианству) раньше, чем этот процесс завершился в России. Вот почему в британских сказках так заметна религиозная составляющая, отсутствующая, кстати, в русских волшебных сказках. В качестве помощника, противодействующего темным силам, в британской сказке выступает уже не природа, а религиозная символика (молитва, библия и проч.). Но об этом речь пойдет в других статьях.

Библиографический список

1. Любимые сказки: сборник русских народных сказок и сказок русских и зарубежных писателей / Сост. Стояновская Е.В. М.: МШК МАДПР, 1991. 384 с.

2. Scottish Fairy and Folk Tales, by George Douglas, 1901 [Электронный ресурс]: режим доступа: at sacred-texts-com (дата обращения: 24.09. 2015).
3. Риордан, Дж. Народные сказки Британских островов / Дж. Риордан. М., 1987. 368 с.
4. Елисеев, И.А. Словарь литературоведческих терминов / И.А. Елисеев, Л.Г. Полякова. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 320 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. проф. Н.Ю. Шведовой / С.И. Ожегов. М.: Сов. Энциклопедия, 1973. 846 с.
6. Костюхин, Е.А. Лекции по русскому фольклору / Е.А. Костюхин. М.: Дрофа, 2004. 336 с.
7. Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор / К.В. Чистов. – Л., 1986.
8. Волшебные русские сказки. Ставрополь: Кн. изд-во, 1993. С.152-156. www.hobobo.ru/skazanya/shotlandskie_narodnye_skazki_byliny_skazkie (дата обращения: 01.12.2017)
9. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. М.: Лабиринт, 2002. 336 с.
10. Хализев, В.Е. Теория литературы: учеб. для студ. вузов / В.Е. Хализев. М.: Академия, 2009. 432 с.
11. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. Минск: МФЦП, 2002. 1008 с.
12. Гринцер, П.А. Древнеиндийский эпос: генезис и типология / П.А. Гринцер // Бройтман С.Н. Историческая поэтика: хрестоматия и практикум. М.: Академия, 2004. С. 206-211.
13. Кирло, Х.Е. Словарь символов / Пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич / Х.Е. Кирло. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.
14. Теория литературных жанров: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М.Н. Дарвин, Д.М. Магомедова, Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа; под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Академия, 2011. 256 с.
15. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе // М.М. Бахтин. Опросы литературы и эстетики. М., 1975.